

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕМЕРТ

В марте прошлого года умер в Москве, в полицейской больнице, один из самых крупных, талантливых и умелых работников последнего литературного периода — Н. А. Демерт. Он был взят на улице в припадке полного умственного расстройства, в том состоянии, когда человек не знает, где он, что с ним, куда он и откуда идет.

Что же довело эту сильную, крепкую, здоровую натуру до такого ужасного состояния, что размягчило этот крепкий, сильный мозг? Говорят: «он пил», но мы, лично хорошо знавшие Н. А., смеем утвердительно сказать, что он пил не в силу «порока», который бы был органически врожденным, — он *«до смерти работает, — сказал Некрасов про русского мужика, — до полусмерти пьет»*. Отделять эти два дела, по нашему мнению, нельзя не только в характеристике поведения русского мужика, и тем более человека, который знает, что такое *настоящая работа*, что такое *работа до смерти*. Демерт действительно пил, но работал он трезвый, а вспомнить — как много он работал, сколько дней в течение месяца не отходил он от стола! Почему три–четыре дня, остававшиеся ему свободными, в течение месяца работы, он отдавал «зелену вину»? Уж не в работе ли, не в ее ли свойстве,

66

не в ее ли размерах и задачах корень *гибели* Демерта? Что же он делал?

Заимствуем из некролога Н. А. Демерта, напечатанного в 12 № «Отечественных записок» прошлого года г-ном

<Н. С.> К<урочкиным>, некоторые биографические подробности, которые, мы надеемся, выяснят нам кое-что в отличительных свойствах Демерта как работника. Демерт родился в 1835 г.; у него было много братьев, из которых он был самым младшим. «Учился он сначала в Казанской гимназии, потом в Казанском университете, где окончил курс кандидатом по юридическому факультету. Это было примерно в 1858 году. По выходе из университета он несколько лет был домашним учителем у помещика Д.». «По освобождении крестьян — он был мировым посредником первой их серии, причем имел возможность близко узнать тяготы и нужды крестьянского быта, а с открытия земских учреждений стал членом Чистопольского земства, а потом и председателем земской управы. Но долгое пребывание в провинции было ему *не по нутру, он стремился в столицы* и сначала уехал в Москву, а потом в 1865 г. появился и в Петербурге. Затем, с <18>65 г. начинается его литературная деятельность».

Из приведенного отрывка мы просим читателя обратить внимание на цифры, т. е. на годы. Что такое было в России в 50-х и начале 60-х годов, и как то, что было, должно было действовать на бесспорно даровитую натуру Демерта? Освобождение крестьян, новая жизнь, новая эпоха русской жизни, висела в воздухе, ждалась миллионами народа, измученного крепостным правом, ждавшего дня освобождения, как пришествия мессии. Много ли в эти торжественные минуты было людей, которые, не выжив из ума, нашли бы в себе силы любоваться прошлым? Всё, что было на Руси совестливое, — дышало полной грудью широким простором будущего, предвкушением *«совершенно новых»* условий жизни, всё раскаивалось в этом прошлом, а

то, что не имело еще времени прегрешить им прямо, на веки веков воспитывалось

67

и закалялось в задачах будущего. Работать для этого бедного народа, служить ему

И сердцем, и (даже!) мечом,¹

а если нет меча, то «и умом» — вот была нянькина сказка, колыбельная песня всего, что носило в груди не кирпич, а сердце. А Демерт был «лют» сердцем от природы. Демерт был умен, энергичен, смел, совестлив, честен. У Демерта была «искра божия», и эта искра божия могла в то время освещать только трудную дорогу будущего, другой дороги у Демерта не было.

В биографическом очерке г. К<урочкина> сказано, что тотчас после окончания университетского курса Демерт некоторое время жил у помещика Д., а потом был мировым посредником. Эти два обстоятельства как нельзя быть лучше и как нельзя быть прочнее определили ему предстоящий труд и как нельзя лучше доказали ему всё глубокое значение этого труда. Говорим это на основании личного знакомства с Н. А. и по рассказам этого времени. Помещик Д. не был обыкновенный русский крепостнический *кадык*.² Это был один из привилегированнейших, из крупнейших и богатейших представителей кадыкового направления. Демерт, живя в его доме два года, мог до отвращения наглядеться на всевозможные растлевающие явления, выработанные крепостным правом, на самые лучшие, махровые цветы

¹ Слова г. Кукольника.

² Выражение г. Щедрина.

этого права; образчики прошлого, сконцентрированные в этом доме самым образцовым образом, как нельзя более наглядно и осязательно убедили Демерта в несостоятельности этого прошлого. В доказательство того, что этот дом был «образцовым» продуктом крепостного права, что он пользовался этим правом во всей широте, служил тот факт, что за несколько дней до освобождения в имении г. Д–ва вспыхнул бунт *против владельца*, чего, если помнит читатель, почти не было во всей России. Демерт видел всё это, видел, как гниль и

68

несостоятельность «прошлого» обнаружилась самым поразительным образом и как этот великолепный махровый цвет, этот дорого стоящий плод столетних крепостных трудов, как этот богатый, блестящий, шумный и жирный дом — вдруг, в один день, распался, развалился, исчез с лица земли, как только из–под ног его, как из–под ног висельника скамейка, была выдернута поддержка этого проклятого права.

Похоронив в лице этого дома скверное прошлое крепостного права, Демерт, как <мы> видели из биографических данных, сообщенных г. К<урочкиным>, почти тотчас же, в качестве мирового посредника, должен был воочию увидеть и собственными руками ощупать язвы крепостного бесправия. Из роскошных палат, «где ни в чем не знали нужды» и полагали задачу жизни в этом нежелании знать что бы то–ни было (*знать не хочу!*), Демерт спустился в разоренные <села?>, которые испокон века во всем знали одну только нужду и жили в сознании полного бесправия, полной подчиненности людей, ничего не хотевших знать.

Предоставляем читателю судить — какое впечатление должны были произвести на Демерта эти бесправные люди, забитые, голодные, невежественные, бедные и беспомощные, если, с другой стороны, он уже хорошо, как нельзя лучше, знал, что и результаты этих страданий также бесплодны и отвратительны... Русская литература почти не оставила ни в романе, ни в драме, ни в серьезном исследовании ничего, что бы касалось тогдашнего положения народа. Жизнь *крепостного* народа всегда была сокрыта для русского общества, быть может, потому, что и интеллигенция—то русская сплошь состояла из душевладельцев. Не лишним здесь считаю указать на то любопытное обстоятельство, что именно *этот—то период* жизни русского народа, темный, неведомый в той мере, как бы следовало его знать, так как это был самый безжалостный, самый лживый и самый бессовестный период русской жизни, — этот—то период наилучше всего разработан в иностранных литературах. В одной, напр<имер>, французской литературе существует бесчисленное множество

69

романов, посвященных этому жестокому времени. Правда, романы эти лишены, большею частию, литературных достоинств, насыщены трафаретными эффектами маленькой французской прессы, — но они несомненно взяты из жизни, из тогдашней русской действительности. Гувернантки, гувернеры, домашние секретари, управляющие, в таком обилии выписывавшиеся в наши старые помещичьи дома, увозя с собою на родину наши русские деньги (должно <заметить?>, впрочем, не все из них сумели увезти), увозили также и ужас к положению народа, к

условиям его жизни, ужас к кнуту, к произволу и тому подобным атрибутам доброго старого времени. Их воспоминания, по всей вероятности, отделявали в форме романа местные парижские графаретчики, знавшие, каким ребром поставить факты, чтобы они понравились бы читателю французу. Но, как бы ни были исключительны факты русской жизни в этой громадной уличной литературе о боярах и невольниках, в них высказано много, так много незнакомой нашей литературе правды о положении крепостного человека, что утвердившееся, хотя бы в одной французской толпе, представление о боярах и о России, как о чем-то ужасном, оказывается вполне законным и понятным.

Да простит мне читатель это отступление. Я хотел сказать им, что всё, что родилось вне народа, не имело и не могло иметь о его действительном положении никакого понятия. Знали, что мужик беден и крепостной, знали, что это негуманно, что бывают злодеи управляющие и т. д., но знать действительное положение, знать всю подноготную народной жизни, все результаты векового бесправия — никто не знал, не видал... Будучи мировым посредником, Демерт стал лицом к лицу с этими плодами бесправия. Не из книг он знал, что народу надо помочь, как утопающему, а из личного опыта, из страданий по нем собственного сердца, которое само время уже отдало на служение добру.

Вот какова была школа Демерта. Еще раз повторим цифры. Юность и учение в гимназии и университете,

проходившие в ожидании второго пришествия, радостного дня освобождения, светлого будущего. Человек воспитывался в предстоящем служении стране, народу,

которые призваны к новой жизни. Два года в образцовой помещичьей семье навеки укладывают в могилу самую ничтожную тень связи с прошлым, а несколько лет в крестьянской среде — ясно определяют трудную дорогу будущего.

Демерт делается общественным деятелем (председателем Чистопольской земской управы), твердо и ясно зная, что ему надо делать, с твердым убеждением, что нет другого более насущного, более серьезного дела. «Продолжительное пребывание в провинции, — сказано в некрологической заметке г. К<урочкина>, — было ему не по нутру. Его тянуло в столицы». Нам кажется, что это выражение — не совсем точное определение мотива, по которому Демерт оставил провинцию. Мы основываем это мнение на том факте, что, живя в С.–Петербурге, занимаясь литературой, Демерт постоянно угождал той же самой практической деятельности земского человека, которой он занимался в Чистополе. Нет, не потому оставил он провинцию, что она ему *не по нутру*, а потому, что плоды недавнего прошлого не вымерли тотчас по появлении новых учреждений, и люди, у которых две трети жизни было в прошлом, искажали новые учреждения и дела. Демерт был один моложе, энергичней и убежденней всех своих товарищей, и если читатель припомнит, как жизнь воспитала прочность убеждений Демерта, то, полагаем, поймет, что он, весь отдавшийся делу, был не по нутру почившему уже в старых порядках большинству, — а Демерту большинство это могло представляться только тормозом, могло только терзать его. Скромно, терпеливо, трудолюбиво работает он в поте лица, но большинство одолело и вытеснило его. Пришлось уходить, выбирать иное поприще для работы в том же направлении, так как

никакого другого направления Демерт не мог себе представить.

Для сего дела, разумеется, не было другого исхода, кроме печатного слова. И вот он появляется в Москве. Совершенно

71

незнакомый с литературным кругом, он долго мыкается по «Петербургским ведомостям» (Корша), по «Развлечениям». Пишет и роман и комедию, сообразуясь с требованиями г<оспод> антрепренеров, но не изменяя себе. Не говоря о том, насколько при таких урывочных и на литературный манер урезанных работах мог высказаться Демерт,¹ мы просим читателей припомнить — каково вообще в половине шестидесятых годов было положение журналистики. Лучшие журналы не выходили совершенно, а место их заступила целая свора неведомых имен, появившихся в качестве издателей газет и журналов и имевших одну цель — ловить в мутной воде не рыбу, а деньги. Положение и опытного литератора в это время было трудно, а положение Демерта еще труднее. Отвращение к бездельному направлению этой темной прессы было в Демерте так велико, что он вновь предпочел отправиться на урок к какому-то помещику и бросил писать. В 1868 г. литература начинала оживать; образуется много новых, не-шарлатанских журналов («Неделя», «Совр<еменное> обозрение») и преобразовываются «От<ечественные> з<аписки>». Друзья Демерта вызвали его в Петербург, и осенью 1868 г. он сделался хроникером внутренней русской жизни в «От<ечественных> з<аписках>», которым и оставался до последних дней здорового состояния. Кроме «От<ечественных> з<аписок>», он работал в «Искре» и

«Биржевых ведомостях» в год приобретения их г. Полетикой. Везде он вел *внутреннюю* хронику.

Мы пришли теперь к ответу на вопрос, поставленный в начале нашей заметки: каков-то был труд Демерта, каков-то был смысл труда — его сущности, и не от этой ли сущности труда, как будто случайно, каким-то роковым образом, погиб этот человек? Надеемся — позволительно задавать себе вопрос о сущности труда общественного и литературного работника, если при определении смертности работающих на заводе, на фабрике, в руднике медицинская статистика обращает на это свойство той или иной работы особенное внимание. Пора, нам кажется, перестать валить эти бесчисленные,

72

неожиданные случаи смерти русских общественных работников на нечто неизвестное, роковое, точно и в самом деле висит над ними какая-то неведомая сила, подкарауливающая русских хороших людей и убивающая их в самый разгар работы. Какая такая эта сила? Что это такое? Работающие на спичечной фабрике умирают от вдыхания паров фосфора и серы. Сапожник, постоянно угнетающий грудь каблуком сапога, умирает от болезни груди, от чахотки. Отчего ж умирает общественный работник, каков был Демерт, какие пары душат его, что размягчает его мозг?

Работа Демерта была обозрение и группировка явлений *внутренней русской жизни*. Эту работу и делали и делают (особливо теперь, когда явления внутренней жизни почти скрылись от общественного внимания благодаря политическим событиям) помощью ножниц и баночки с

вишневым клеем ценою в гривенник. Вырезывай курьезы из газет, наклеивай на бумагу, связывай эти лоскутья иронической улыбкой выекокопросвещенного петербуржца над провинциальными захолустьями — и посылай в типографию. Работа не хитрая и — особливо теперь — очень выгодная.

Работа Демерта была не такова. И сердцем и умом он был отдан ей, и сердце и ум, как видели читатели, были жизненным опытом воспитаны у него в глубокой необходимости исцелять наши внутренние язвы, в необходимости отдать себя этому делу всецело, и вот почему «внутренние обозрения» Демерта не были подклейкой, а серьезной, ум и сердце поглощающей работой, жизненным, всякому человеку нужным делом, без которого человек — вешалка для собственного сюртука. Каково же дело, свойство дела, которому Демерт отдавал и сердце и ум? Без малейшего колебания мы позволим себе сказать, что свойства той работы, которую работал Демерт, — убийственной всякой серы, от которой мрут на фабриках, всякой сапожной колодки, *продавливающей* <?> явления *внутренней жизни*; — что это такое?

73

Бедность, жадность, неразвитость, хищничество, доброта, пожираемая, уничтожаемая случаем, ум, погибающий от бедности, от одиночества, беспомощности и заброшенности, а с другой стороны — глупость, жадность, тупоумие, умышленная тонкая злость, хитрость и пронырливость, из-за медного гроша не жалеющая губить сотни людей и т. д. и т. д. Просим читателей самим припомнить и представить

¹ См. примечание на стр. 609. — *Ред.*

себе всё, что выработало в русском человеке недавнее прошлое, всё, что широким потоком хлынуло и проточило все новые явления, учреждения, всё, что опутало юные, новые, молодые силы. Было бы трудно и долго рисовать картину русской жизни, подлинную, точную, какою именно и знал ее Демерт, но в общих чертах мы можем сказать, что *мертвые души* не ожили и не оживут еще долго и еще долго будут заражать нарождающиеся русские поколения. Стоять, поэтому, над тем, что хлынуло после мертвых душ, стоять годы, каждый божий день стоять над ними с широкими, добрыми и энергическими требованиями ума и сердца — это, смеем выговорить, поистине каторжная жизнь... «Отрадные явления», на которые, без сомнения, укажут мне, как алмазы, как драгоценные камни, носились перед ним, как и из клоак вместе с грязью вываливаются потерянные кем-нибудь настоящие драгоценные камни... Но стоять над клоакой, дышать воздухом этого потока нечистот, *не мочь* отойти от него — это трудное и мучительное дело. А Демерт *не мог* отойти, его не пускало всё его развитие, вся его натура. Он стоял над этим потоком, рылся в нем своими руками, ловил в нем, что ему нужно, искал чего-то, а поток шел всё шире, все вонючей...

Мы бы могли привести многое множество доказательств справедливости этих слов из настоящего и прошлого, но это затянет статью. Тот, кто понимает нас, припомнит сам. Мы просим обратить внимание на следующее обстоятельство. Демерт работал одновременно в «Искре», в «Отечественных записках» и «Биржевых ведомостях»; из всех редакций ему каждый день доставлялись десятки корреспонденции, по

свойству русского человека братья за перо, когда грянет гром, когда ему худо, переполненных и мелкими и крупными изображениями горькой, нескладной и постоянно как бы безнадежной действительности русской жизни... С увеличением известности присылка этого рода вестей увеличивалась в громадных размерах, но тон их был один и тот же, дерущий вас по коже. Кроме того, так как он *не мог* отойти от дела, он тщательно следил за всем, что печатается о внутренней жизни, за столичными, провинциальными газетами, — и вот с каждым днем и ум его и сердце всё тесней и тесней обкладывали, обступали эти *подлинные материалы подлинной* русской действительности. Далеко не всё, что он знал об этой действительности, он печатал, но <не> думать обо всем, <не> чувствовать всё, именно всё, чем дышала на него эта масса материала, он не мог... И вот с каждым днем, с каждым годом всё больше и больше, всё выше и выше росли вокруг него эти стога полугнилого, удушливо пахнувшего сена, накошенного в широких и пустынных полях русской жизни... Удушливый запах их, запах, которым дышал он много лет изо дня в день, дурно действовал и на мозг и на сердце. От него кружилась голова, слабли руки, слабо сердце, но отбиться от него не было возможности. Он преследовал везде: на улице, в гостях, в театре; запах обезнадеженной действительности всосался во все поры тела, мозга, сердца... А стога росли выше и выше... и конца им не видно было. Что тут делать, что тут предпринять? Какие нужны силы, чтобы всё это одолеть, разметать, очистить?.. Минуты отчаяния всё чаще и чаще находили на Демерта, и зелено вино было отдыхом, и не пение, а рев, крик человека, которого душит кошмар, вырывался из груди его... А стога всё росли... «М<(илостивый) г<осударь> Ник<олай> А<лександрович>

сообщаю Вам еще гнусную проделку»...; «М<илостивый> г<осударь> Н<иколай> А<лександрович>, позвольте просить Вас обратить внимание на беззащитное положение сельского учителя села N, который вследствие происков...» — и так далее и так далее, без конца, без краю... Чтобы переносить это

76

с такой закваской, какая была в сердце и уме Демерта, надо было иметь железное здоровье, железное сердце, каменный мозг, но мозг у него был не каменный, и вот почему он отказался служить... Что ж это, скажет читатель: — опять гражданская скорбь? Как ни неприятна ирония читателя, задающего этот вопрос, но я не могу сказать ничего другого, кроме: — да, это скорбь, и не скорбь даже, а ужас общественного деятеля перед ужаснейшею действительностью, требующею таких сил, каких нет ни в себе, ни в других, и разрывающей измученный мозг и сердце. Поэтому — слава, честь и вечная память Демерту, погибшему именно от этого недуга!

77